

Х. Драма Акчи.

1. Драма Акчи. *В. Белкин, В. Переведенцев*
2. Читатели и чиновники. *В. Белкин, В. Переведенцев*

ДРАМА АКЧИ*

Как был загублен уникальный эксперимент, почему важно знать о нем сейчас и по каким причинам его надо широко распространить

Недавно редакция «Литературной газеты» пригласила нас на просмотр документального фильма. В зале было лишь несколько ученых и литераторов, да и фильм не новый, с названием вполне ординарным: «Человек на земле». Это дипломная работа украинского режиссера Р. Демина, по сценарию Э. Дубровского снятая еще в 1969 году. С тех пор, целых восемнадцать лет, фильм пролежал в архиве, о нем забыли все, кроме авторов. И сотрудники «ЛГ» не очень надеялись на успех, когда попросили своего украинского собкора К. Григорьева заняться поисками пленки. Вдруг где-нибудь сохранилась хотя бы одна копия?! Оказалось, что именно одна и сохранилась, лента вообще никогда не тиражировалась, хотя, как режиссер нам рассказал, ее привозили по завершении съемок в Москву, показывали и в Госкино, и в самых высоких инстанциях. Даже руководители государства ее тогда посмотрели. «Дело преждевременное» — это был приговор, конечно, не фильму, а эксперименту, которому картина посвящалась.

Мы увидели на экране два хозяйства, два полярно противоположных подхода к крестьянскому труду. Одно расположилось на земле Украины. И людей здесь много, и техники в достатке, и вполне налажен быт. Но отчего такие равнодушные лица, вялые взгляды? Чуть ли не к каждому трактористу приставлен контролер, дотошно проверяют учетчики глубину вспашки, количество обработанных гектаров. Механизатор смотрит на кропотливую их работу отстраненно, безучастно. Не хозяин он, а поденщик. Но вот на экране возникли сцены жизни другого совхоза — в Акчи. Голая, в те годы еще плохо обжитая казахстанская степь. Но какие живые лица у механизаторов! Они с удовольствием и работают, и спорят, обсуждая дела на завтра. У них подряд, самоуправление. В конце шестидесятых! Тучный человек в клетчатой рубашке — Иван Никифорович Худенко — что-то рассказывает, энергично жестикулируя, улыбается... Мог ли тогда Иван Никифорович

* Литературная газета № 14, 1 апреля 1987 г.

предположить, что его родное детище, эксперимент в Акчи, грубо растопчут, а сам он умрет, отбывая наказание, определенное ему судом?

Не с безвестным человеком, затерявшимся в жизни, случилось такое, а с автором популярной идеи, за развитием которой с интересом следили ученые и публицисты. О И. Н. Худенко и эксперименте в казахстанском совхозе в Акчи не раз писали в те годы и в «Литературной газете». Этот опыт стал публицистическим открытием Владимира Кокашинского («Эксперимент в Акчи», «ЛГ», 21 мая 1969 г.). Он вместе с социологом Н. Алексеевым проводил впоследствии изучение общественного мнения по проблемам самоуправления и хозрасчета («Земледельцы сами о себе», «ЛГ», 4 марта 1970 г.). А затем сюда же «Литературная газета», уже по печальному поводу, посылала для спасения дела экономистов, финансистов, юристов. Увы, борьба закончилась поражением общественности, трагедией Худенко.

В те застойные семидесятые глушились многие славные начинания. Искалеченная судьба Ивана Никифоровича и погубленное дело его жизни были не единственным примером. Творческим, активным людям не хватало воздуха. Бюрократы отказывались их понимать. После долгих гонений и притеснений экспериментальный совхоз ликвидировали, а спустя два года Худенко и его сподвижники пошли под суд.

...Из выручки от продажи продукции государству экспериментаторы возмещали затраты на горючее, удобрения, запчасти и другие расходы, связанные с эксплуатацией всех видов техники. Оставшийся доход поступал в полное распоряжение хозяйства. Из него оплачивали труд, на него строились, обзаводились имуществом. Высшим органом управления был совет звеньевых, которому и дирекция («управленческое звено» из двух человек: директора М. Ли и экономиста-бухгалтера И. Худенко) полностью подчинялась. Совет — совхозный законодатель, а дирекция — исполнительная власть. Так было заведено. Производительность труда в опытном хозяйстве в Акчи была в шесть раз, а заработки втрое выше, чем в обычных совхозах.

Почему мы возвращаемся сейчас, в период всенародной перестройки, к «Акчи»? Эксперимент этот, по нашему глубокому убеждению, не прошлое, а будущее советского сельского хозяйства. И в экономическом, и в социальном смысле. Не только для торжества справедливости должно быть восстановлено сделанное в Акчи, но и для оплодотворения его опытом современных усилий нашего агропрома. В ходе нынешней перестройки не должна повториться нигде трагедия Акчи — эта миссия общественного предостережения тоже

вынуждает нас, отложив другие дела, взяться за перо. Ведь и мы, авторы этих заметок, были участниками событий, развернувшихся далеко от Москвы.

В мае 1971 года «Литературная газета» направила в Казахстан общественную комиссию, поручив ей разобраться в сложившейся ситуации и по возможности ее исправить. Мы были в ее составе вместе с известным финансистом В. В. Ивантером и драматургом А. Ашимовым (Акимом Тарази). Изучали обширную документацию, беседовали со сторонниками и противниками эксперимента, руководителями всех уровней, так или иначе к нему причастными. К счастью, вели дневниковые записи, которые сейчас пригодились.

Схватка

Чтобы не поддаваться обаянию И. Н. Худенко, не быть пристрастными, свое расследование мы начали, помнится, с противников.

Возглавлявший в то время Министерство сельского хозяйства Казахской ССР М. Г. Рогинец адресовал нас к начальнику управления труда и зарплаты В. И. Меркулову. Тот не скрывал досады:

— Опять эти легенды об Акчи! Вам следовало бы ознакомиться с документами, а не слушать дифирамбы от третьих лиц и самого Худенко.

Нам вручили две пухлые папки. До Акчи подобный эксперимент уже проводили в трех совхозах. Последний из них — «Илийский». Как закоренелые статистики, сразу взялись мы выписывать цифры. Оказалось, что в первом же году работы по безнормативной системе сбор зерна в «Илийском» увеличился в 2,3 раза, а численность работников в полеводстве снизилась с 863 до 85 человек. Вот тебе и «легенды»!

Дальше — больше. Листаем документацию об Акчи. Здесь эксперимент, что называется, был уже в чистом виде: заработки прямо и непосредственно связаны с личным трудовым вкладом. На этот раз Худенко буквально на «голом месте» создал небольшой по числу работников новый совхоз. Официально назвали его Опытным хозяйством по производству травяной муки. Эксперимент и его условия согласовали с союзными ведомствами: Комитетом по труду, Центральным статистическим управлением, Министерством финансов, Госбанком СССР. Научным руководителем назначили заместителя министра сельского хозяйства республики, члена-корреспондента АН Казахской ССР А. Е. Елеманова, до конца жизни оставшегося неутомимым сторонником и защитником дела «Акчи». Сохранилось письмо А. Е. Елеманова, написанное незадолго до его смерти, 24 марта 1970 года, первому

заместителю Председателя Совмина КазССР И. Г. Слажневу: «...некоторые руководители Минсельхоза заставляют подчиненных людей, вопреки здравому смыслу, нормальные цифры превратить в порочащие эксперимент материалы». Тревога эта, как оказалось, была не напрасной.

...Хозяйству установили государственные задания по производству зерна, травяной муки и т. д., рассчитанные по научно обоснованным нормативам. В основу положили затраты времени на единицу продукции. Подобные «счетчики» созданы для всех природно-климатических зон, но колхозы и совхозы в эти нормы обычно не укладываются. К примеру, затраты труда на центнер зерна в Акчи были приняты в полчаса, а плановая себестоимость одного центнера зерна — два рубля. Сравните: в обычных хозяйствах центнер «делают» за два часа, и обходится он в 5,5 рубля.

Время пересчитывали в деньги. Если, скажем, на тонну какой-либо продукции полагается затратить пять человеко-часов, то только эти пять и будут оплачены, независимо от того, сколько времени потратят фактически. За один нормо-час работник должен был получать полтора рубля. В году около двух тысяч рабочих часов. Значит, годовая зарплата — три тысячи рублей. Ежемесячно давали аванс, а в конце должны были доплачивать за реально полученную продукцию — по итогам работы каждого звена отдельно. Источник оплаты был единственным — выручка за сданную государству продукцию. Она поступала на единый банковский счет хозяйства (в обычных совхозах было 17 счетов).

Учет и отчетность решительно упрощались, не нужны стали ни нормировщики, ни учетчики. Администрация, как уже говорилось, состояла всего из двух человек. Звеньевые работали наравне со всеми.

И хозяйству в целом, и каждому звену в отдельности была предоставлена возможность все дела решать по своему усмотрению, в зависимости от конкретных условий и складывающейся обстановки.

Организовали новое хозяйство осенью 1967-го, и уже через год оно дало хорошие результаты, несмотря на недостаток поливной воды, отсутствие необходимых построек и т. д. В следующем сезоне дела пошли еще лучше, но в середине третьего года, когда все затраты под урожай были сделаны, а результаты еще не получены, хозяйство... ликвидировали. Почему? По официальной версии Минсельхоза — за убыточность. А фактически?

Листаем стенограмму состоявшегося накануне заседания коллегии Минсельхоза республики. Поразительно по своему цинизму выступление начальника планово-экономического отдела Минсельхоза, кандидата экономических наук Е. Закшевского:

«Эксперимент в Акчи следует срочно прекратить. Сейчас июнь, а в августе — сентябре Худенко реализует продукцию, хозяйство получит прибыль, и тогда с ним не совладать». Министр М. Г. Рогинец: «Надо немедленно арестовать счет хозяйства в банке». Как видите, была учинена форменная расправа. Не стенограмма, а дуэт могильщиков эксперимента!

Почему Минсельхоз да и руководство республики были против эксперимента? Видимо, очень уж не хотелось показывать истинное положение в сельском хозяйстве республики. Итоги эксперимента «кололи глаза».

Спустя девять месяцев Е. Закшевский напечатает в «Экономической газете» (№ 11, 1971) статью «Успехи не случайны». О полном якобы хозрасчете в сорока процентах совхозов Казахстана. Карикатуру на хозрасчет выдаст за новое слово аграрно-экономической науки.

Следующий наш визит — к начальнику главка Минсельхоза В. Косенко, которому подчинялось опытное хозяйство в Акчи. Просим оценить некоторые факты. Например, высокую урожайность, производительность труда.

— Если дать такую зарплату, то хорошую производительность можно иметь и в других местах.

— А почему бы и не дать, если производительность растет в шесть раз, а зарплата — всего в три?

— Вы что же, считаете, что тракторист должен получать больше, чем начальник отдела в нашем министерстве?!

И это говорил отнюдь не противник эксперимента...

Поразительные документы, обескураживающие речи. Но чтобы понять и прочувствовать, надо еще и увидеть.

Ранним утром следующего дня на рафике киностудии «Казахфильм» (Минсельхоз даже в транспорте нам отказал) отправились в Акчи, чтобы своими глазами взглянуть на поле боя и бранные останки эксперимента. И что за картина открылась нашему взору!

Ржавеют два импортных агрегата, благодаря которым в 1969 году была получена треть всей травяной муки Казахстана (!), по качеству, содержанию каротина превосходящей мировой уровень... Запустение в поселке, где коттеджи рабочих были построены экспериментаторами не хуже, чем в прославленных хозяйствах Прибалтики, с полным набором инженерного оборудования: водопровод, ванная, электроотопление. В Акчи было свое строительное звено, которое сооружало дома для рабочих, монтировало оборудование

завода по производству травяной муки, возводило другие хозяйственные постройки. Увидели следы прошлогодних цветников...

Очевидцы, рабочие бывшего хозяйства, с горечью описывали нам процедуру закрытия эксперимента: «Приехало начальство, человек двадцать, — из Москвы, Алма-Аты и района. С поля собрали нас всех. Заместитель министра зачитал приказ. Спрашиваем: на каком основании? Трудится-то каждый за шестерых и делает нужное стране дело. В ответ невразумительное: «нарушаете порядок», «много получаете», «самовольничаете» и т. п. Наконец мы поняли: одна у них цель — разгром, уничтожение сложившейся у нас организации труда и оплаты. Видать, опасна она для бюрократа, может распространиться...»

Трудно не согласиться: для бюрократа и впрямь система Худенко губительна. Она давала полную самостоятельность хозяйству, которая была выгодна всем. Только не чиновникам тех лет. Полмиллиона рублей прямых убытков — таков результат решения Минсельхоза Казахстана о ликвидации хозяйства в Акчи. Решения, принятого после того самого злосчастного заседания коллегии, стенограмму которого мы цитировали. А общий ущерб, нанесенный нашей экономике, государству, всем нам, просто неисчислимы.

Если бы модель Худенко была своевременно воспринята нашим сельским хозяйством, Советский Союз, быть может, уже не импортировал, а, наоборот, экспортировал сельскохозяйственную продукцию.

Недолгое торжество правды

Чтобы завершить расследование, поставить все точки над «и», в Доме Союза писателей Казахстана мы собрали тогда «круглый стол», наивно надеясь, что в спорах истина не только рождается, но и может утверждаться.

Пригласили заместителя начальника управления финансирования сельского хозяйства Минфина Казахстана И. Васютина. Согласен, отвечает, но только с разрешения начальства — зам. министра. Тот в свою очередь: «На это и мне нужно разрешение зав. сельхозотделом ЦК КПК Ю. М. Бурлакова». Звоним Бурлакову: «Дело с «Акчи» ясное. Зря приехали. Проводить здесь «круглый стол» вы неправомочны. Я позвоню в Москву, чтобы вас отозвали. Экспериментом Худенко занимались компетентные люди. Все окончательно выяснено — сплошное безобразие...»

Нас не отозвали, и «круглый стол» мы с большим трудом, но все-таки провели. Пришли Закшевский и Меркулов из Минсельхоза, не явились многие приглашенные нами

ответственные работники. Куратор эксперимента, референт Совмина КазССР В. Н. Васильев смущенно ответил: «Сегодня с утра вызвал меня Бурлаков и категорически запретил идти. Сказал, иначе уволят с работы. Жаль, но ничего не поделаешь».

И тем не менее «круглый стол» оказался многолюдным и жарким. Разве что не было рукопашной!

И. Н. Худенко, его сподвижники В. В. Филатов, В. Хван, Г. А. Ильян и другие подробно и убедительно рассказывали об эксперименте, отстаивая социальную справедливость и социалистическую сущность коллективного подряда. (Кто теперь-то в этом сомневается!) Минсельхоз обвинили в сокрытии истинного положения дел с экспериментом, в дезинформации общественности. И, как мы тут же убедились, не зря. Минсельхозники яростно атаковали представителей «Литературной газеты», утверждая, что гласность в таких делах вредна!.. Зам. начальника ЦСУ КазССР Е. И. Сложеникина: «Ну, согласитесь, Иван Никифорович, что в вашем хозяйстве настоящего учета не было! А вы же знаете, что «социализм — это учет»! И знаете, кто это сказал?» Худенко: «Думаю, что Владимир Ильич говорил не про такой учет. Ваш учет построен как? Вспахали — учет, посеяли — учет, выросло — учет, скосили — учет, сгноили — акт!.. Какой же от нас вам еще нужен учет? Мы сдаем продукцию — государство ее оплачивает. Никаких других средств хозяйство не получало, убытков не было».

А у других были! Полную ясность в это внес начальник управления кредитования сельского хозяйства Госбанка КазССР А. П. Вдовиченко: «В нашей республике совхозы сплошь убыточны. Мы им выплачиваем сотни миллионов рублей дотации. А хозяйство в Акчи высокорентабельно. План по прибыли оно перевыполняло».

Воинственно настроенные поначалу противники эксперимента постепенно поутихли, а потом и вовсе слиняли. Правда об эксперименте временно восторжествовала.

Драматург А. Ашимов (Аким Тарази) довольно потирал руки: в результате «круглого стола», говорил он, получил отличный сюжет для пьесы! Сатирическая пьеса «Везучий Букен» действительно была им написана, опубликована в журнале «Театр» (№ 8, 1972), получила вторую премию на конкурсе в связи с 50-летием образования СССР и сыграла впоследствии свою роковую роль в судьбе ее главного персонажа.

Большие хлопоты и горький финал

Воодушевленные результатами «стола», мы стали добиваться встречи с Д. А. Кунаевым. В сложившихся условиях только он мог решить вопрос о восстановлении доброго имени новаторов и о возобновлении эксперимента. Союз писателей республики взялся помочь с аудиейцией...

Ранним солнечным утром пришли мы в ЦК КП Казахстана. Готовясь к этой решающей схватке, отпечатали небольшую памятную записку с нашими расчетами и выводами, которую и вручили Д. А. Кунаеву. Основное обвинение в убыточности «Акчи» в записке начисто опровергалось. При организации совхоз получил от государства материальные ценности и денежные средства на общую сумму 1,8 миллиона рублей. При закрытии их имелось уже 2,1 миллиона рублей.

Несмотря на понятную читателям разницу нашего социального статуса, Кунаев почувствовал, что без серьезного разговора не обойтись, и вызвал «подмогу». Очень скоро в кабинет вошел небольшого роста человек, грудь которого была увешана вперемежку орденами и орденскими планками.

— Наш президент, — представил его Кунаев. — Вот расскажи московским товарищам, что ты знаешь про эксперимент Худенко.

— Худенко экспериментировал у нас в двух хозяйствах, когда я был секретарем Целиноградского обкома. Устроил такую безработицу!.. Еле от него избавились, — сказал Председатель Президиума Верховного Совета республики С. Б. Ниязбеков.

— Вот видите, — оживился Кунаев, — так же было в совхозе «Илийском». Ко мне даже делегация рабочих приходила, чтобы его убрали.

— Но ведь люди, — сказали мы в ответ, — остались не у дел из-за повышения производительности труда, а в республике острая нехватка трудовых ресурсов. Устроить высвобождаемых работников можно было бы на плодоовощном комбинате, создать который предлагал Худенко. Он хотел круглосуточно снабжать столицу республики свежими и консервированными овощами, фруктами. Это было бы весьма кстати — в магазинах в ту пору торговали болгарскими фруктами, а цены на городском рынке были прямо-таки «заполярыми». И это в Алма-Ате — «отце яблок»!

Звонок секретарю — и на пороге возникает небезызвестный уже читателю Ю. Бурлаков, заведующий сельхозотделом ЦК партии республики.

Д. А. Кунаев:

— Вот познакомьтесь, товарищи из Москвы, из «Литературной газеты», занимаются делом Худенко.

Направленный в нашу сторону «взрыв» Бурлакова:

— Это дело у всех навязло в зубах! Эксперимент был по улучшению учета и отчетности. А Худенко их так упростил, что и вовсе ликвидировал. Худенко развалил хозяйство. Он и его люди — жулики и алкаши.

В Акчи уже тогда царил «сухой закон» — иначе ведь много не наработаешь. Но спорить было бессмысленно. Нам ничего не оставалось, как заявить, что за содержание памятной записки, мы ручаемся головой.

— У нас были другие сведения. Но коль так, мы еще раз все тщательно проверим, — сказал Д. А. Кунаев. — Кому, по вашему мнению, надо поручить проверку? Никого, кроме Минсельхоза, у нас для этого нет. Вы же не будете настаивать, чтобы проверкой занималась прокуратура?

Мы попросили, чтобы этим занялась именно прокуратура. Минсельхоз необъективно относится к делу. Притом Худенко обвиняют в убытках и даже в хищениях.

В заключение беседы мы вновь пытались привлечь внимание руководителя республики к исключительной важности эксперимента в Акчи, заявили, что, по нашему мнению, И. Н. Худенко — это гордость Казахстана. Кунаев не сдержался:

— Не нужна нам такая гордость, а эксперимент продолжим и без него. Если бы Худенко кто-нибудь забрал, мы охотно сняли бы его с партучета. А, кстати, состоит ли он в партии?

Наш собеседник лукавил. О том, что Худенко уже исключен из партии, он, конечно, прекрасно знал. Потому тот и уехать не мог — добивался восстановления. А приглашали его многие. В нашем досье лежит копия письма А. Г. Аганбегяна и Т. И. Заславской, ныне академиком, Д. А. Кунаеву с просьбой направить Худенко в Сибирь, для которой его эксперимент представлял особый интерес из-за трудностей с рабочей силой. Возобновить эксперимент под научным руководством Центрального экономико-математического института АН СССР просили директор этого института академик Н. П. Федоренко и его заместитель Н. Я. Петраков. Звали к себе новатора и эстонцы... А его преследовали ревизиями, завели уголовное дело.

После нашего отъезда работники прокуратуры Алма-Атинской области и Казахской ССР провели повторное расследование. Компрометирующих фактов при всем желании установить они не смогли, но и вынести официальное решение, оправдывающее экспериментаторов, опасались. Тогда по ходатайству И. Худенко и директора совхоза в Акчи М. Ли, поддержанному «Литературной газетой», уголовное дело было затребовано

Прокуратурой СССР, рассмотрено и прекращено — письмо № 3/779—72 от 7 мая 1972 г. за отсутствием события преступления.

После этого И. Н. Худенко обратился в Комиссию партийного контроля с просьбой восстановить его в КПСС. В КПК его, участника Великой Отечественной войны, поддержали. Однако Д. А. Кунаев был неумолим, и в партии Худенко так и не восстановили.

О дальнейшей судьбе Ивана Никифоровича Худенко кратко упоминалось в статье А. Ваксберга «Кому это нужно?» («ЛГ», 21 января 1987 г.). Сообщим несколько подробнее.

Желая получить компенсацию за те два года, что были по вине Минсельхоза лишены работы, И. Н. Худенко и его сподвижники обратились с иском в народный суд. Но одно беззаконие повлекло за собой другое. Ликвидировав без всяких на то оснований хозяйство, Минсельхоз не имел юридического права изъять его гербовую печать. И она осталась у руководителей уже не существующего совхоза. Конечно, им не следовало бы скреплять этой печатью свой иск о выплате компенсации. Но они это сделали. Положительного решения народного суда по этому иску ответчики, как оказалось, ждали с большим нетерпением, чем истцы... Ответчики не в одном лишь юридическом смысле слова. Ответчики перед обществом и народом за судьбу поруганного ими эксперимента.

Да, они ждали. Это был рассчитанный удар. И как только постановление суда, вынесенное в пользу истцов, было предъявлено в банк, И. Худенко, М. Ли, В. Филатова обвинили в попытке хищения государственных средств. А деньги, подчеркнем, они так и не получили...

Но давление, и весьма настойчивое, было оказано на судей. Тогдашних руководителей республики особенно разгневала сценическая вариация эксперимента Худенко — огласка нелепых подробностей их бытия в сатирической пьесе «Везучий Букен»: ханжества, лицемерия, угодничества, двоеженства. Пьеса Акима Тарази, увы, лишь единожды увидела свет рампы в Казахском академическом театре драмы Алма-Аты. Кое-кто из высокопоставленных зрителей узнал себя в действующих лицах. Не дожидаясь окончания спектакля, «госпожи министерши» вцепились друг другу в волосы, их высокопоставленные мужья покинули зал. Симптоматично, что Худенко был арестован на следующий день после спектакля... Уничтожен эксперимент... запрещен спектакль... положен на полку фильм...

Времена изменились. О внедрении коллективного подряда, хозрасчета в сельском хозяйстве нынче говорят много. Немало и делается. Но это не означает, что история Худенко потеряла актуальность. Коллективный подряд в иных местах внедряется в жалком,

урезанном, а иной раз просто карикатурном виде (пооперационный учет затрат рабочего времени, низкие авансы, громоздкая и ненужная для дела отчетность, невыполнение договорных условий в оплате труда, материальном снабжении и т. д.). Между тем в Акчи успешно внедрялась целостная и проверенная система хозяйствования. Ее надо сейчас изучать, пропагандировать, распространять. Может быть, это и есть модель всего нашего сельского хозяйства в недалеком будущем.

Из трагической истории И. Н. Худенко и его эксперимента следует извлечь также другой урок, поучительный для перестройки, на которую ориентирует нас партия. Урок мужества и сплочения общественных сил во имя правды. Следует задуматься: почему эксперимент в Акчи, о котором, помимо «Литературной газеты», писали «Правда», «Известия», «Сельская жизнь», «Комсомольская правда», республиканская печать, за который вступились писатели и кинематографисты, который поддерживала академическая наука, оказался все же разгромленным?

Наш ответ таков: губителей эксперимента нельзя было критиковать напрямую, поименно. Должности позволяли им существовать вне гласности. Писали в газетах, что опыт Худенко хорош, но нельзя было писать, что отношение руководства республики к Худенко и его коллегам антиобщественно, некомпетентно. А у гласности не может быть низким потолок.

Демократизация общества исключает волюнтаризм, от кого бы он ни исходил, личные симпатии и антипатии не должны оказывать влияние на государственные дела, а тем более на судьбу и жизнь людей.

Таковы экономические, социальные, нравственные уроки эксперимента в Акчи.

ЧИТАТЕЛИ И ЧИНОВНИКИ*

В связи с публикацией статьи «Драма Акчи» (1 апреля с.г.) «Литературная газета» получила много писем.

Большинство полученных писем — индивидуальные, но немало и коллективных. Одно даже подписано партгором от имени пятидесяти коммунистов, совместно обсуждавших публикацию. Практически все письма «за» — за эксперимент, экспериментаторов вообще и Ивана Никифоровича Худенко в частности. И, естественно, против тех, кто погубил и эксперимент, и самого Худенко.

Тональность редакционной почты лучше всего передает письмо Г. В. и В. Г. Щеголевых из г. Люберцы Московской области. Приводим его дословно:

«Прочитали статью «Драма Акчи», и нет слов, которыми можно выразить охватившее нас чувство возмущения.

Описывая эту историю, нам кажется, вы все-таки смягчаете истинное положение. Вы пишете: «Трудно не согласиться: для бюрократа и впрямь система Худенко губительна». Дело здесь не в бюрократе, а в преступном отношении. Да, это преступное отношение к развитию социалистической экономики. Пора уже вещи называть своими именами.

Просим сообщить в газете, кто привлечен и к какой ответственности за срыв эксперимента, нанесение нашему государству морального и материального ущерба, а также за то, что приходится реабилитировать коммунистов посмертно.

До тех пор, пока безнаказанность будет продолжаться, с подобными явлениями мы не покончим».

По мнению кандидата экономических наук В. М. Писарева (Москва), приславшего, по существу, целое исследование с самостоятельными выкладками и аналитическими таблицами, «статья «Драма Акчи» делает очевидной главную причину дефицита продуктов питания в стране при нашем внушительном мировом лидерстве по производству минеральных удобрений, тракторов, комбайнов и другой сельскохозяйственной техники, а

* Литературная газета № 37, 9 сентября 1987 г.

также по потреблению энергоресурсов в сельском хозяйстве». Громадные капитальные вложения в сельское хозяйство и их непрерывный и быстрый рост не давали соответствующей отдачи из-за неверной направленности этих вложений и недостатков в организации труда, которые особенно хорошо видны в свете эксперимента в Акчи.

Бывший председатель колхоза в Алтайском крае А. С. Павлухин пишет:

«У меня накоплен богатый опыт работы по методу И. Н. Худенко. Будучи председателем колхоза «Родина» Усть-Пристанского района Алтайского края, я восемь лет внедрял его метод. За первые же три года производительность труда выросла в три с половиной раза, хозяйство стало высокорентабельным... О нашем опыте писали «Известия», «Советская Россия», «Комсомольская правда»...»

Очень весомый факт! Он опровергает нередкое утверждение, которое мы слышали шестнадцать лет назад, слышим иногда и теперь: у Худенко-де были чуть ли не тепличные условия. На самом деле особыми были лишь социально-экономические условия — коллективный подряд с полной хозяйственной самостоятельностью. Все остальное было обычным и даже хуже — и техника, и горючее, и семена, и земля — в полупустыне, и вода, которая подавалась нерегулярно из хвостовой части Куртинского канала, что сильно затрудняло полив.

А. С. Павлухину, по его словам, «пришлось встретиться с противодействием верхов» и трудностями трудоустройства высвобождавшихся работников, новое «рождалось в муках», после многолетней борьбы он был вынужден отказаться от избрания председателем на новый срок. Это, к сожалению, общая судьба многих инициативных руководителей колхозов и совхозов, а о «верхах» — чуть ниже.

Ныне подряд в разных его формах — коллективный, бригадный, семейный, индивидуальный — внедряется в нашем сельском хозяйстве повсеместно. В 1986 году на условиях подряда работало, судя по официальным данным, около половины всех занятых в этой отрасли народного хозяйства. Однако заметных сдвигов ни в производительности труда, ни в объемах производства, ни, следовательно, на прилавках продовольственных магазинов не произошло. Почему?

В какой-то мере на этот вопрос отвечает письмо Нины Федоровны Малышкиной из совхоза «Ударник» Красноармейского района Донецкой области:

«У нас прибылей нет, одни долги на миллионы рублей. Я свой совхоз давно назвала дармоедом у государства. Пытался и у нас директор внедрить подряд, так сказать, «отдать дань моде». Да потерпел фиаско. Перед глазами моими стоят пока только отрицательные

стороны «нашего» подряда. Низкий уровень сознания подрядчиков, отсутствие у них элементарных экономических знаний, равнодушие специалистов к подряду, отсутствие хозрасчета привели к плачевным результатам, порочащим метод. Возможно, и действительно, как вы утверждаете, эксперимент Худенко — будущее нашего сельского хозяйства. Но пока... В этом году в совхозе снова внедряют подряд (четвертый год, и все по-разному). Какая уж там экономика, если зайдешь в контору — некуда ногу поставить. И сторожами числятся, и слесарями, и еще кем-то там, но все на счетах щелкают. Убытки считают — выводов не делают. Придешь на ферму — то же самое; сторожей да зоотехников — несть числа, а молоко, чтобы план выполнить, водой разбавляют. Пойдешь в УТМ — агрономы да инженеры (соотношение их к рабочим — один к двум), то газетами шелестят в рабочее время, то подсолнухами забавляются. Трактористов же по пальцам перечесть. Не зря частушку такую сложили:

Тракторист Тимошка

Запел под гармошку:

Не прокормишь, право,

Эту всю ораву.

Смотрю опять на этот, по-другому внедряемый метод и снова в него не верю... Возможно, я и не права в своих суждениях, но пока подряд, тот, который внедряется у нас, с двойной бухгалтерией, с нормо-сменами, кажется мне тем же самым нижним бельем, только вывернутым, грязными швами кверху.

Извините. Не обижайтесь на меня. Что увидела в подряде, то и отмечаю».

За что же обижаться на вас, Нина Федоровна? Примерно такой же псевдоподряд, о котором вы пишете, мы сами нередко встречаем в самых разных частях необъятной нашей страны, «от финских хладных скал до пламенной Колхиды». С таким «подрядом» эксперимент И. Н. Худенко ничего общего не имел. Напомним только, что все «административно-хозяйственное» звено в Акчи состояло из двух человек — директора и бухгалтера-экономиста. Какой может быть подряд без подлинного хозрасчета?! А ведь его в подавляющем большинстве случаев нет. Это не подряд, если ведут учет не конечного результата, а отработанного времени.

Мы рады, что сумели заинтересовать замечательным экспериментом И. Н. Худенко практиков сельского хозяйства. Председатель колхоза «Победа» Матвеево-Курганского района Ростовской области В. Гулов:

«Коллектив специалистов колхоза «Победа» два года изыскивает пути повышения производительности труда в условиях дефицита рабочих рук. Статья «Драма Акчи» была обсуждена на совете специалистов, и у нас возникли просьбы: мы хотим встретиться с авторами статьи, посмотреть фильм «Человек на земле», о котором они упоминают; изучить статьи В. Кокашинского в «ЛГ» — «Эксперимент в Акчи» (21 мая 1969 года) и «Земледельцы сами о себе» (4 мая 1970 года). Все это намерены применить в нашем хозяйстве в условиях перестройки».

Первую и третью просьбы мы охотно удовлетворим — приедем, расскажем, привезем ксерокопии статей из старых номеров «Литературной газеты». Что касается второй, то ее мы адресуем «Киевнаучфильму» и Гостелерадио: предлагаем «Человек на земле» показать по телевидению, например, в программе «Сельский час».

Самое тяжелое впечатление произвела на читателей трагедия Ивана Никифоровича Худенко, которая, понятно, воспринята более эмоционально, чем прекращение эксперимента. Большинство авторов писем задают вопросы: как такое могло случиться? Понес ли кто-либо за травлю И. Н. Худенко наказание? Где находятся и чем занимаются главные «могильщики» эксперимента и И. Н. Худенко в настоящее время?

Вот наиболее типичные фразы из писем:

«С болью и гневом прочитал статью «Драма Акчи», посвященную трагической истории совхоза в Акчи и автора проводившегося там эксперимента Ивана Никифоровича Худенко» (С. Д. Таранцев, член КПСС с 1946 года, журналист, г. Гагра).

«С содроганием прочитал «Драму Акчи». Это трагедия на уровне трагедии инквизиторской сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 года, трагедии «Факела» в Новосибирске...» (О. Патрушев, врач).

«Прочитал «Драму Акчи» и ужаснулся: до какой же низости, подлости, бесстыдства и степени разложения доходили члены партии, облеченные высокой властью. И. Н. Худенко был высокоодаренным человеком и гордостью страны. И вот такого человека и его дело уничтожили. И кто? Те, кто мог и обязан был поднять его, как знамя социализма... Большое спасибо авторам и редакции за эту публикацию» (В. П. Сарафанов, член КПСС, конструктор, Москва).

Все читатели, приславшие письма, одобряют позицию газеты в связи с «делом» И. Н. Худенко. Видимо, противники этой позиции (хорошо знаем, что такие есть) не пожелали писать в газету или не осмелились это сделать. Читатели нередко и дополняют статью,

приводят данные и аргументы, которых, по их мнению, в статье недостает. Эту публикацию они справедливо связывают с происходящей в стране перестройкой.

«В связи со статьей «Драма Акчи» считаю своим долгом поддержать позицию газеты, — пишет доцент Новосибирского университета Л. Ф. Лисе. — Подобные акции важны для оздоровления нравственного климата нашего общества и, следовательно, для утверждения духа и дела перестройки. Торжество принципа «никто не забыт и ничто не забыто» — в самом широком его толковании, как неизбежность воздаяния каждому по его делам — поможет усилить социальную активность одних и несколько сдержать негативные устремления других. Человеку далеко не безразлична общественная оценка его позиции и его дел как при жизни, так и после нее. Вот почему глубокий нравственный смысл имеет гласное и широкое восстановление исторической справедливости и в отношении тех, чей вклад в наше развитие незаслуженно забыт или оклеветан, и в отношении тех, кто сыграл роковую роль в нашей истории, в больших и малых ее делах. Каждый гражданин должен осознать, что обеспечить забвение содеянного невозможно, что рано или поздно истина будет обязательно явлена обществу. Показывая это, «ЛГ» выполняет очень нужную, очистительную для нашей социальной атмосферы работу. Тем более что и сейчас, судя по прессе, «технология» срыва эксперимента в Акчи (да и других подобных экспериментов) широко используется для саботажа и срыва политики перестройки».

На вопрос о том, понесли ли наказание виновники гибели И. Н. Худенко и его замечательного эксперимента, ответим коротко: нет, не понесли. Мы не юристы, и не нам судить, кто и в какой степени виновен — в юридическом смысле. Во многих письмах содержится требование реабилитации И. Н. Худенко и восстановления его в партии. Полагаем — требование справедливое, присоединяемся к нему.

Нас спрашивают: где находятся и чем занимаются некоторые отрицательные «герои» статьи? Дадим слово М. А. Кинееву — ученому секретарю Восточного отделения ВАСХНИЛ (Алма-Ата):

«В статье говорится о цинизме выступления С. Закшевского, но не более ли цинично то, что этот чинуша за эти годы сумел защитить диссертацию на степень доктора экономических наук и теперь возглавляет Главное управление планирования и экономического развития АПК Казахской ССР? Весьма сомнительно, что, занимая такой пост, он принесет пользу сельскому хозяйству республики, когда речь идет о переводе этой отрасли народного хозяйства на рельсы хозрасчета и коллективного подряда. Не цинично ли и то, что Ю. М. Бурлаков, сыгравший роковую роль в судьбе И. Н. Худенко, покинув стены ЦК КП

Казахстана, впоследствии подвизался в должностях начальника главка науки МСХ КазССР (это после Елеманова-то, светлого человека, соавтора эксперимента в Акчи! — В. Б., В. П.), первого заместителя председателя президиума Восточного отделения ВАСХНИЛ, тоже успел стать доктором экономических наук и сейчас воспитывает слушателей Высшей школы Госагропрома КазССР, студентов Института народного хозяйства. Вот какие метаморфозы происходят с теми, кто на корню сгубил хорошие всходы подряда и хозрасчета в республике.

Иначе обстоит дело с реакцией должностных лиц. Пять месяцев мы терпеливо ждали их ответа на статью — и не дождались. Впрочем, в редакционной почте один официальный ответ оказался, правда, адресован он не нам, а бывшему участнику эксперимента в Акчи В. А. Хвану. Владимир Антонович обратился в высшие инстанции с предложением возобновить эксперимент. А Госагпромом СССР, отвечая В. Хвану, ссылается на то, что в 1970 году в хозяйстве Акчи «урожайность основных культур сложилась крайне низкая... Сокращения численности работников и повышения производительности труда, предусмотренные экспериментом, не произошло... Были полностью дезорганизованы учет и отчетность... Учитывая это, проводимый эксперимент был закрыт».

Подписал ответ заместитель начальника Управления организации труда и заработной платы Главного управления планирования социального и экономического развития В. Протасов. И при этом счел нужным добавить: «Одновременно сообщаем, что в соответствии с действующим порядком предложения по проведению экспериментов по вопросам оплаты труда в совхозах могут рассматриваться только по представлению Госагпромов союзных республик».

Хозяйство Акчи закрыли в середине 1970 года, когда затраты под урожай были сделаны, а результаты еще не получены (кстати, об этом в нашей статье говорилось). Так как же можно судить о его работе по данным за 1970 год? Для того чтобы в этом разобраться, мы отправились в Госагпромом к В. Протасову. Мы надеялись, что он введен в заблуждение давними недругами И. Худенко и его эксперимента из Казахстана, что все прояснится и системе Худенко будет дан наконец зеленый свет.

Наивное заблуждение. Отстаивая правомерность своего ответа В. А. Хвану, наш собеседник утверждал, что в Южном Казахстане урожай убирают чуть ли не весной, так что закрытие эксперимента в середине года не могло сказаться на хозяйственных результатах. Тогда мы обратили его внимание на то, что, по данным весьма придирчивой ревизии хозяйства, в 1969 году урожайность была намного выше, чем указанная в ответе В. Хвану: ячменя — в четыре с половиной, люцерны — в четыре раза. А сокращения численности

экспериментом не предусматривалось, поскольку хозяйство Акчи создавалось на голом месте в полупустыне, и в нем с самого начала было людей в 6—7 раз меньше, чем использовалось для аналогичного объема сельскохозяйственных и строительных работ в других совхозах Казахстана и страны в целом. Соответственно и производительность труда в Акчи была намного выше. Напомним, что предыдущий эксперимент Худенко проводился в совхозе «Илийском» и позволил сократить численность работников полеводства в 10 раз при удвоении продукции.

При обсуждении вопросов эффективности хозяйства Акчи мы обратили внимание тов. Протасова на сообщение начальника Управления кредитования сельского хозяйства Госбанка КазССР А. П. Вдовиченко о том, что дотаций на покрытие убытков хозяйство Акчи не получало и систематически вносило платежи из прибыли. Тем не менее, ссылаясь на результаты ведомственных проверок, Протасов отстаивал версию убыточности.

Трудно понять и другое. Как мы уже писали, при организации хозяйства Акчи получило от государства материальные ценности и денежные средства на общую сумму 1,6 миллиона рублей, а при закрытии их имелось уже 2,1 миллиона. Между тем Протасов утверждал, что имущество опытного хозяйства буквально растаскивалось. Была ли здесь своеобразная защита чести ведомственного мундира или элементарная финансовая безграмотность? А может быть, и то, и другое?

Что касается «дезорганизации учета и отчетности», то одним из достоинств эксперимента является их решительное сокращение и упрощение. Учитывались лишь затраты на «входе» и результаты на «выходе» — по известному в кибернетике принципу «черного ящика». Устранялась декадная, месячная и прочая промежуточная отчетность, поэтому не нужен был громоздкий учетно-расчетный аппарат.

— Да что там говорить о Худенко! — горячился наш собеседник. — Рвач, расхититель, совершил уголовное преступление. И его защищать будем?!

Тогда мы сообщили: редакция располагает документом Прокуратуры СССР, подписанным прокурором Е. Онегиным. Там сказано, что дело о «растратах и расхитительстве» было прекращено за «отсутствием события преступления». Однако Протасов продолжал стоять на своем.

В конце концов нам было доверительно сказано, что эксперимент прекратили, в сущности, по иной, не указанной в ответе Госагропрома причине: надоели, дескать, жалобы И. Н. Худенко. Подумать только, в Москву ездил жаловаться! На что же? Оказывается, на то, что «безнарядную систему не распространяют на всю страну». Еще раз воздадим должное

гражданственности и патриотизму Ивана Никифоровича... Напомним, что ныне хоть и не в том виде, но распространяют...

Рассказывая нам о своей работе, В. П. Протасов специально подчеркнул, что его управление организации труда и заработной платы «двадцать лет занимается поиском эликсира для подъема нашего сельского хозяйства», что сам он и его сотрудники — «горячие приверженцы и стойкие поборники экспериментов». В этой связи мы заметили, что действующий порядок, при котором, как сказано в ответе Хвану, «предложения по проведению экспериментов... могут рассматриваться только по представлениям госагропромов союзных республик», не способствует, мягко говоря, этим поискам. Подобная процедура особенно удивительна в условиях нынешней демократизации нашей общественной жизни.

В беседе принимал участие экономист В. Чупеев — тот самый, в памятной нам статье которого, опубликованной в «Литературной газете» 18 ноября 1970 г., обосновывалось прекращение эксперимента в Акчи и доказывалась ненужность экспериментов вообще. Статья заканчивалась словами: «Резкое увеличение производства сельскохозяйственной продукции возможно в результате долгой, кропотливой работы, больших затрат труда, средств, энергии, а не по щучьему велению», то бишь новациям, полученным в экспериментах. С тех пор минуло почти 17 лет. Была и долгая работа, и огромные затраты, и почти по Чупееву — на корню изничтожались новации. А к резкому увеличению сельскохозяйственного производства все это не привело. Но взгляды В. Чупеева не изменились: бывшие догмы были повторены и в разговоре с нами.

От редакции. Публикуя этот обзор, редакция «ЛГ» ждет, что Госагропром СССР, Прокуратура СССР, а также компетентные органы Казахской ССР пришлют нам ответы не только на статью «Драма Акчи», но и на вопросы, поставленные в письмах читателей.

Послесловие сборка «ЛГ» по Казахской ССР А. Самойленко

Недавно в «ЛГ» просочился слух, будто в Алма-Ате уцелевших худенковцев принял какой-то большой руководитель и дал «добро» «на возрождение и продолжение эксперимента». Мне было поручено проверить, так ли это.

Выяснилось следующее. В ЦК Компартии Казахстана и в Госагропроме республики (через три с лишним месяца после публикации статьи) приняли и выслушали уцелевших

участников эксперимента, сказали, что дело, начатое Худенко, соответствует духу времени, и попросили написать нечто вроде методики системы хозяйствования «по Худенко».

Соратники Ивана Никифоровича подготовили документ и представили его в Госагропром Казахской ССР. Вот, собственно, и все, что было сделано. Я не знаю, радоваться или уже в который раз негодовать на медлительность наших инстанций? Если иметь в виду, что еще совсем недавно худенковцев не подпускали к руководящим приемным на пушечный выстрел, то можно, конечно, проникнуться оптимизмом. Но, с другой стороны, можно ли считать, что три с лишним месяца — это вполне допустимый (в условиях ускорения и перестройки!) срок для реабилитации опыта, который доказал свою состоятельность еще 16 лет назад?

Вместе с экземпляром методики В. Н. Васильев (он, так сказать, «технический директор» группы оставшихся экспериментаторов) вручил мне перечень инстанций, представители которых должны «изучить вопрос»: Минюст, Госкомцен, Госкомтруд, Минфин... 15 адресов! Только в Госагропроме их восемь... С одним из руководителей я встретился на стадии этого глубокомысленного изучения методики. Хотелось понять: зачем делается вид, что мы столкнулись с совершенно неизведанной, словно бы родившейся вчера новацией? И почему, назвав метод Худенко стержневым в перестройке сельского хозяйства (вот ведь какие комплименты!), начать не сам эксперимент, а изучение методики с нуля? И нравственно ли было просить пострадавших, много раз незаслуженно обиженных худенковцев (один из них по сей день работает инспектором пожарной охраны при гостинице), готовить документацию, не объединив их в специальную рабочую группу, раз уж система — стержень перестройки?

— Понимаете, надо посмотреть все в контексте современной обстановки, привязать эксперимент к конкретным условиям, — говорил мне один из ответственных работников Госагропрома республики.

Тут есть вопросы...

Но реальный повод для оптимизма все-таки появился. Министр рыбного хозяйства Казахской ССР Х. С. Саржанов обратился к худенковцам с предложением: возьмите один из пригородных прудхозов и ведите там дело по вашей системе. А его первый заместитель А. И. Брагинец повез их в прудовое хозяйство — вот вам «полигон», согласны иметь с вами дело на взаимовыгодных условиях. Худенковцы тоже согласны. Но для реализации предложения нужна... разработка методики. Применительно теперь уже к прудовому хозяйству. И они

опять пишут, ее в свободное от работы время. Суждено ли всерьез возродить дело, за которое боролись и страдали Худенко и его соратники? Пока не ясно.

Кстати, вот как оценивает дело И. Худенко Председатель Совета Министров Казахстана Н. А. Назарбаев («Дружба народов» № 9, 1987): «Худенко пал жертвой авторитарного руководства, которое царило в нашей республике долгие годы. Последствия тех лет сказываются и по сей день».

Да еще как сказываются!

Алма-Ата